

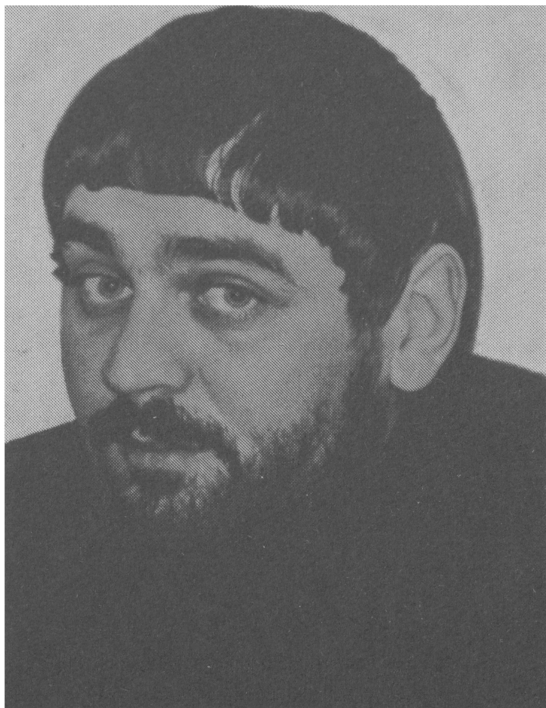
БИБЛИОТЕКА

МОСКВА

ISSN 0132-2095

№ 50 1991

Александр СОПРОВСКИЙ

НАЧАЛО ПРОЩАНИЯ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 50

Издается с января 1925 года

Александр СОПРОВСКИЙ

НАЧАЛО ПРОЩАНИЯ

СТИХИ

Москва. 1991

Александр СОПРОВСКИЙ

Александр Александрович Сопровский родился в 1953 году в Москве. Учился на филологическом и историческом факультетах Московского университета. Отчислен за публикации в «тамиздате». Работал бойлерщиком, рабочим в экспедициях, церковным сторожем. Печатался в США, Франции, Италии, Австрии.

В последние годы зарабатывал на жизнь репетиторством и стихотворными переводами. Один из основателей в начале 70-х годов литературной группы «Московское время».

Александр Сопровский погиб 37 лет в декабре 1990 года.

Наум Коржавин назвал Александра Сопровского одним из самых серьезных и осмысленных поэтов своего поколения: «Он был почти единственным, кто не поддался соблазну воспринять эту эпоху как нормальную (не идеальную, во многом даже порочную, но все же нормальную), как это сделало большинство других его талантливых сверстников. У него хватило ... зоркости и чувства нормы, то есть мудрости. Творчество безвременно погибшего поэта открывает нам целый пласт нашей живой истории, истории нашего духа, его взаимосвязей с жизнью».

Первые публикации в нашей стране — посмертные: в «Огоньке», «Знамени»...

Это первая книга поэта.

* * *

В Европе дождливо (смотрите футбольный обзор)
Неделю подряд: от Атлантики и до Урала.
В такую погоду хороший хозяин на двор
Собаку не гонит... (И курево подорожало.)

В такую погоду сидит на игле взаперти
Прославленный сыщик — и пилит на скрипке по нервам...
(И водка уже вздорожала — в два раза почти:
На 2.43 по сравнению с 71-м.)

И общее мнение — что этого так бы не снес
(Ни цен этих, то есть на водку, ни этой погоды)
Хороший хозяин: не тот, у которого пес,
А тот, у кого посильнее, чем Фауст у Гете.

Над Лондоном, Осло, Москвой — облака, будто щит,
И мокрых деревьев разбросаны пестрые рати.
Которые сутки подряд — моросит, моросит,
И в лужах холодных горят фонари на Арбате.

Сентябрь обрывается в небо. Глаза подниму —
Все те же над городом изжелта-серые тучи.
Когда бы ты знала, как нехорошо одному.
Когда бы не знал я, что вместе бывает не лучше.

Есть чувства, по праву приставшие поздней любви.
Гуляет над миром отравленный ветер разлуки.
Войди в этот воздух, на слове меня оборви —
Когда все из рук вон, когда опускаются руки.

Шаги на площадке. Нестоек наш жалкий уют.
И сон на рассвете — как Божья последняя милость.
И памяти столько хранит заваливший лоскут,
А в памяти столько души — сколько нам и не снилось.

И я, не спеша, раскурю отсыревший табак
И слово признанья вполголоса молвлю быломu...
В Европе дождливо. Хозяева кормят собак,
И те, как хозяева, с важностью бродят по дому.

1981

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ, ИЛИ НАЧАЛО ПРОЩАНИЯ

1

Мокрый ветер — на том берегу,
Где в болото уткнулось копыто,
Где размыт горизонт — и в снегу
Даль морская заботливо скрыта,
Суматошные верфи в чаду
Со стенаниями кабестана...
Не к твоей ли земле припаду
Напоследок — легко и устало?

Было время седым парикам,
И за неосторожное слово —
Шпага в грудь. И ходил по рукам,
Сердце радуя, список Баркова.
Было — в страхе крестился народ,
И, посмертно справляя победу,
С постамента венчанный юрод
Угрожал бесталанному шведу.

Все пройдет — и быльем порастет.
Было время — стреляли с колена,
Было время — на двор да в расход,
И у губ — розоватая пена.
Хмурый ветер дырявил листву.
Рделo облако флагом погрома.
Этот дух отлетел на Москву
За компанию с предсовнаркома.

Над каналами стало светлей,
И задворки глядят, как музеи.
Почерневшие ветви аллеи
На ветру зазвенели свежее.
Да и злое заклатье снято,

И, небось, на подножку трамвая
Не подсядет неведомо кто,
Хромоту неприметно скрывая.

Время — нежной морской синеве
С ощутимым оттенком металла.
Ветру свежему — вверх по Неве.
Горькой памяти время настало,
Тайной вольности. Время прямой
Выговаривать каждое слово
Под шуршанье могучих ветвей
Над аллеями сада ночного.

2

Мостовыми горизонт распорот,
Вертикали золотом горят —
И пойдет раскручиваться город,
Каменный выстраивая лад.
Начерно разыгранная в камне
Тема объяснения в любви —
Слишком эта музыка близка мне,
Навсегда растворена в крови.
Слышится — трамвайными звонками,
Брезжится — рассветной желтизной,
Как гудел Литейный под ногами,
Как Нева плескалась за спиной.
Воды, разграфленные мостами.
Вереницы движущихся зданий.
Мы в лицо припомним каждый дом.
Мы в разлуке жить не перестанем.
Мужество ценой любви поставим —
И бессилье к трусости сведем.
И опять, на развороте круга
Скорость увеличивая вширь,
Каменная вздрогнет центрифуга —
И пойдет собор, как поводыр.
И вокруг собора, шпиля, башни
Нас уже закружит без конца
Выстраданно светлый и бесстрашный
Город, окликающий сердца.

3

Белёные сумерки в Летнем саду.
Навеки в груди колотье.

5

Сюда со страной я прощаться приду,
К державным останкам её.

Закружится в сумерках город, и снег
Затеплится, тая в горсти.
На очереди — безоглядный побег,
И прошлого нам не спасти.

Я холод от камня привычно стерплю,
Коснусь напоследок его
И крикну: — Люблю тебя! Слышишь, люблю —
Справляй же свое торжество.

Мне слишком по нраву твоя прямота
И поздняя гордость твоя.
Но где там, когда уже клетка пуста,
И — только вперед — колея.

Ну, вот и попробуем: только вперед...
Надолго? Навек? Навсегда?
Ну что ж, оттолкнись от земли, самолет,
Гори, бортовая звезда.

Чтоб сердце рвалось до скончания сил,
Одним обжигая огнем
И город, который, как песню, любил —
И песню о городе том.

1981—1982

БЕРНГАРДТОВКА

Памяти Н. Гумилева

Посвящается В. Дмитриеву

Мы на грязном песке не распластывались, умирая.
Не звенели под ветром высокие сосны вдали.
По дороге на казнь у платформы пылится пивная.
По жаре да с похмеля — бывает же счастье! — пошли.

До чего все забыто бесчисленным, беспамятным летом!
По запущенным паркам и малый не сыщется след.
Нам и вспомнить-то нечего, милый, подумай об этом:
Никакого другого, светлейшего, прежнего — нет.

...На рассветном ветру золотились верхи Петрограда:
Августовские зори нигде не сияют, как тут.
(А что пиво с водой — нам ли сетовать? Так нам и надо,
Так и надо нам, милый. И лучшего нам не дадут.)

Полубред-полусон. Терракотовый отсвет пустыни.
Фразы скептика-друга. Обиженной женщины гнев.
Да какая-то стычка, где с вывертами непростыми
Голосили пророки, расчетливо руки воздев.

Безнадзорная память... А там — половицы расшиты.
Хруст — паркетные досочки! Грейся, рабочий народ!
К высшей мере — как пели тогда — социальной защиты.
...Царскосельские липы прикроют последний отход.

Голубая планета — морей непровернутый ступок.
Петроградские вдовы уткнулись в изношенный шелк.
Отступает под марши выдавшее виды искусство
В девятнадцатый век, как мятежный отброшенный полк.

1981

* * *

Как хочется приморской тишины,
Где только рокот мерного наката
С подветренным шуршанием сосны
Перекликается подслеповато.
С утра в туман под пенье маяка,
Покойно спится человеку в доме.
Пространства мускулистая рука
Рыбачий берег держит на ладони.
Как будто настезь ветру и штормам
Раскрыт неохраняемый порядок —
Пока со звоном не спадет туман,
Обрызгав иглы тысячами радуг.
И горизонт расчиститься готов,
И прояснятся в оба направления
Каркасы перекошенных судов —
И мощных дюн пологие скругленья.

Вдоль набережных под вечер поток
Наезжих пар курортного закала.
Веранда бара. Легкий холодок
Искрящегося в сумерках бокала.

Что грустно так, усталая моя?
Повесив нос — развязки не ускоришь.
Я взял бы херес: чистая струя,
Сухая просветляющая горечь.
И в даль такую делаешься вхож,
Откуда и не возвращаться лучше...
Уж если в мире памяти — на грош,
Так выбирай беспамятство поглуше.
Подкатит — оторваться не могу.
Магическим обзавестись бы словом,
Открыть глаза на этом берегу —
И захлебнуться воздухом сосновым.

1982

* * *

Б. Кенжееву

Записки из мертвого дома,
Где все до смешного знакомо,
Вот только смеяться грешно —
Из дома, где взрослые дети
Едва ли уже не столетье,
Как вены, вскрывают окно.

По-прежнему столпотвореньем
Заверчена с тем же терпеньем
Москва, громоздясь над страной.
В провинции вечером длинным
По-прежнему катится ливнем
Заливистый, полублатной.

Не зря меня стуком колесным —
Манящим, назойливым, косным —
Легко до смешного увлечь.
Милее домашние стены,
Когда под рукой — перемены,
И вчуже — отчетливей речь.

Небось нам и родина снится,
Когда за окном — заграница,
И слезы струятся в тетрадь.
И пусть себе снится, хвороба.
Люби ее, милый, до гроба:
На воле — вольней выбирать...

А мне из-под спуда и гнета
Все снится — лишь рев самолета,
Пространства земное родство.
И это, поверь, лицедейство —
Что будто бы некуда деться,
Сбежать от себя самого.

Да сам-то я кто? И на что нам
Концерты для лая со шмоном —
Наследникам воли земной?
До самой моей сердцевины
Сквозных акведуков руины,
И вересковые равнины,
И — родина, Боже Ты Мой...

1983

* * *

Я из земли, где все иначе,
Где всякий занят не собой,
Но вместе все верны задаче:
Разделаться с родной землей.
И город мой — его порядки,
Народ, дома, листва, дожди —
Так отпечатан на сетчатке,
Будто наколот на груди.

Чужой по языку и с виду,
Когда-нибудь, Бог даст, я сам,
Ловя гортанью воздух, выйду
Другим навстречу площадям.
Тогда вспорхнет — как будто птица,
Как бы над жертвенником дым —
Надежда жить и объясниться
По чести с племенем чужим.

Но я боюсь за строчки эти,
За каждый выдох или стих.
Само текущее столетье
На вес оценивает их.
А мне судьба всегда грозила,

Что дом построен на песке,
Где все, что нажито и мило,
Уже висит на волоске,

И впору сбывться тайной боли,
Сердцебиениям и снам —
Но никогда Господней воли
Размаха не измерить нам.
И только свет Его заката
Предгрозового вдалеке —
И сладко так, и страшно вато
Забывться сном в Его руке.

1984

* * *

На краю лефортовского провала
И вблизи таможен моей отчизны
Я ни в чем не раскаиваюсь нимало,
Повторил бы пройденное, случись мне, —
Лишь бы речка времени намывала
Золотой песок бестолковой жизни.

Октябрь 1982

НОЯБРЬ 83-го

1

Ноябрьская гроза.
Под ветром мир разгневан,
И снег летит в глаза —
И молния со снегом.
И вроде — все не то,
Но мой подкожный опыт
Свидетельствует о
Возможностях, торопит
Использовать их, и
Предчувствием удачи
Рождаются стихи —
И дышится иначе.
Стыкуются слова
Предвестием исхода,

И снова жизнь — права,
И на душе — свобода.
И снова снег летит
И на ресницах тает —
И мокрый лист летает
Среди оград и плит.

2

Через час по брусчатке солдатам
Шаг печатать с отмашкой лихой.
В этом воздухе голубоватом —
Подозрительность и беспокой.

Нелады расплескались по свету,
Хоть за горло не взяли пока, —
И кряхтит, выбирая газету,
Отставной вертухай у ларька.

Пусть и цены упали на водку,
И не самый худой урожай —
Он находит вест-индскую сводку,
Над Антилами видит пожар.

Он уже напрочь нем и бессилен,
И Октябрь ему не в торжество,
И мерещатся штурмы Бастилий
Помраченному духу его.

Под такую ж вот дату у кума
Как разваливались за столом:
До второго стакана — угрюмо,
Ну, а там — по-мужски, матерком,

И занюхивали, к телогрейкам
Приникая ноздрями... И вдруг —
Это ж бьет он по нас, этот Рейган,
Из своих бронебойных базук!

И за сердце, как будто с похмелья,
Он берется нетвердой рукой.
Только пуговицы на шинели
Блещут форменною желтизной.

Открываются старые раны.
Не тому нас учили, не так...
Это бьют по казармам охраны.
Поднимается первый барак.

Вот оно, время, которого мы дождались.
 Вот оно, время, в которое зажились мы.
 Что с нами будет теперь:
 Настоящая жизнь —
 Или гнилой полусвет пересыльной тюрьмы?

Или тюрьма-то и есть настоящая жизнь —
 А остальное все треп, бестолковщина, тлен?
 В общем, короче, мы дожили: только держись.
 Вот наше время, другого не надо взамен.

Как мы пророчили, прежний застой торопя,
 Сдвинуться, стронуться, сделаться проще, честней —
 Так и сбывается. Время просить у Тебя:
 Вот наша родина. Господи, будь же Ты с ней —

С этими путаными, окаянными и
 Втянутыми в безнадежную эту игру...
 Светятся все же в окошке у каждой семьи
 Слабой надеждой — огни на московском ветру.

Вот и снежку намело. Поутру выхожу,
 Скрипнув засовом, на снег из церковных ворот,
 Воздухом, как уж давно не дышалось, дышу —
 И ничего не загадываю наперед.

ОДА НА ВЗЯТИЕ СЕНТ-ДЖОРДЖЕСА 25 ОКТЯБРЯ 1983 ГОДА

Я много водки выпиваю,
 Портвейном не пренебрегаю,
 Закусываю не всегда.
 Баб обаятельных хватаю
 Порой за всякие места.

А в это время в Белом доме
 Ты к сводке утренней приник,
 У демократии на стреме,
 Иных забот не зная, кроме
 Прав человеческих одних.

А я все пьянку продолжаю,
Я это дело уважаю.
Блестит «андроповка» в стекле.
И ничего не совершаю
За ради жизни на Земле.

И солнцу есть предел на свете.
И злаки чахнут на корню.
А там, в Овальном кабинете...
С чем я сравню тревоги эти?
С чем эти бдения сравню?

Весной на солнце снег растает.
Чашма пленительно блистает,
А то неплохо и пивка.
Меня запой не отпускает —
Или порой меня ласкает
Жены домашняя рука.

Горит рассвет над Потомаком.
Под звездно-полосатым флагом
Макдональда победный флот
Летит, как коршун над оврагом,
Как рыба хищная, плывет —
И се! марксизма пал оплот.

И над Карибскою волной
Под манзанитою зеленой
Грозят Гаване обреченной
Сыны державы мировой:
И ты, Макфарлейн молодой,
И ты, Уайнбергер непреклонный!

Кого же я средь дикой пьянки
Пою, вскочив из-за стола?
Кто, ополчась на силы зла,
Кремлевские отбросит танки?
В ком честь еще не умерла?
Чьи баснословные дела
Вовек не позабудут янки?
Калифорнийского орла!

* * *

В. Санчуку

Небо накренившееся мгlisto.
Синевы бездонная дыра.
Гонит облака, спшибает листья
Ветер, разыгравшийся с утра.
Есть у Бога славная погода:
Дважды за год, к лету и к зиме,
Ветер от восхода до восхода
Так хозяйничает на земле.
Чистка мира, перемена флага,
Чутких ожиданий полоса.
Резко вниз идет излом оврага.
Кверху улетают небеса.
Дальше, над бескрайними холмами,
В золотом сечении земли,
Вспыхнув осиянными краями,
Облака щербатые прошли.
Никогда я не был пейзажистом.
Но сегодня выйди со двора —
Гонит облака на небе мгlistом
Ветер, разыгравшийся с утра.
Дай же воли солнечному полдню,
Дай же ветру разгуляться всласть.
Всем дай Бог, кого люблю и помню,
Перезимовать и не пропасть.

1984

* * *

Е. Игнатовой

Что есть душа? Не спрашивай. Пойдем
Замерзшими холмистыми лугами,
Где в густо-синем воздухе ночном
Между белесоватыми клоками
То тут, то там морозная звезда
Проглянет из бездонного провала,
Не освещая тропки никогда.
Верх-низ и лево-право растеряла
Захватывающая кривизна.
Снег голубеет, небо отражая.
Шаг в сторону — во мгле растворена,
Грядой холмов петляет даль ночная.

Не спрашивай. Но есть одни глаза,
Где пляшет темень, и круги цветные
Расходятся, и различить нельзя
Ни зги вокруг. И есть глаза другие.
В них отсвет ленинградского катка,
Где свалена еще с блокады мебель.
Азарт подростка. Юного кружка
Опасное товарищество. Небыль
Угарных лет. Семейного угла
Заботливо поставленная крепость.
И зернышко бесхозного тепла
На дне зрачка нечаянно пригрелось.

Когда одни в другие поглядят —
Невидяще, темно, морозно, снежно —
Уже дохнет Москва, и это ад,
А это — мы, и встреча неизбежна,
И недоговоренные слова
Не пропадут. Так вот: какая сила
В один пейзаж соединила два —
И две чужих судьбы к нему прибила?
Не спрашивай. И без того хрупка
Проснувшаяся чуткость — и напрасно
Искать ей объяснения, пока
И без того внутри светло и ясно.

1984

* * *

Опять на пробу воздух горек,
Как охлажденное вино.
Уходит год. Его историк
Берет перо, глядит в окно.
Там город сумерками залит,
Повизгивают тормоза,
Автомобиль во мглу сигналист —
И брызжет фарами в глаза.

Там небо на краю заката,
Вдаль от огней и кутерьмы,
Отсвечивает желтовато,
Проваливаясь за холмы.
И, бледно высветив погосты
За лабиринтами оград,
Осенние сухие звезды
В просторном космосе горят.

Быть может, через меру боли,
Смятенья, страха, пустоты
Лежат поля такой же воли,
Такой же осени сады.
Быть может, застилая очи,
Проводит нас за тот порог
Бессвязный бред осенней ночи,
Любви и горечи глоток.

Как будто легкий стук сквозь стену
В оцепененье полусна,
Как будто чуткую антенну
Колеблет слабая волна.
Как будто я вношу с порога,
Пройдя среди других теней,
Немного музыки. Немного
Бессонной памяти моей.

1985

* * *

Я знал назубок мое время,
Во мне его хищная кровь —
И солнце, светя, но не грея,
К закату склоняется вновь.
Пролеты обшарпанных лестниц,
Тревоги лихой наговор —
Ноябрь, обесснеженный месяц,
Зимы просквоженный притвор,
Порывистый ветер осенний
Заладит насвистывать нам
Мелодию всех отступлений
По верескам и ковылям.

Наш век — лишь ошибка, случайность.
За что ж мне путем воровским
Подброшена в сердце причастность,
Родство ненадежное с ним?
Он белые зенки таращит —
И в этой ноябрьской Москве
Пускай меня волоком тащат
По заиндевелой траве.

Пускай меня выдернут с корнем
Из почвы, в которой увяз,—
И буду не злым и не гордым.
А разве что любящим вас.

И веки предательским жженьем
Затеplit морозная тьма,
И светлым головокруженьем
Сведет на прощанье с ума,
И в сумрачном воздухе алом
Сорвется душа наугад
За птичьим гортанным сигналом,
Не зная дороги назад.
И, стало быть, понял я плохо
Чужой до последнего дня
Язык, на котором эпоха
Так рьяно учила меня.

1986

ПЕРВОЕ ПУНИЧЕСКОЕ ПОСЛАНИЕ

С. Гандлевскому

Я расскажу тебе, Серега
(Ты рад, я вижу по глазам),
Как левым бортом «Саратога»
Развертывается к пескам.
Уже ишак ревет спросонок,
И горизонт расцвествать готов,
И замерли на рейде сорок
Сопровождающих судов.
Под килем бездна голубая,
С востока — золотая мгла,
И вздрогнет первый луч, играя
На серой плоскости крыла.
Все шире свет по небосклону.
Свежее ветер перемен.
Так отворился Сципиону
Приговоренный Карфаген.
Воспоминания игривы —
Но это, кореш, навсегда,
Здесь по ночам летают рыбы,
Фосфоресцирует вода.

И праздный раб слагает оду
Тому, кто, не страшась толпы,
Мечом распространил свободу
За Геркулесовы Столпы.

Апрель 1986

* * *

Все те, кто ушел за простор,
Вернутся, как северный ветер.
Должно быть, я слишком хитер:
Меня не возьмут на рассвете.
Не будет конвоев и плах,
Предсмертных неряшливых строчек,
Ни праздничных белых рубаш,
Ни лагеря, ни одиночек.
Ни черных рыданий родни,
Ни каторжной вечной работы.
Длинные мои мирные дни.
Я страшно живуч отчего-то.
Поэтому я додержусь
До первых порывов борея.
Не вовремя кается трус —
И трусы просрочили время.
Я знаю, в назначенный день
Протянут мне крепкие пальцы
Пришедшие с ветром скитальцы
С вестями от прежних людей.

1974

* * *

Кто на пресненских?
Тихо в природе,
Но под праздник в квартале пустом
Бродит полночь меж подворотен
Подколотной гармоникой стон.
Вся в звездах запредельная зона.
Там небесная блеет овца,
Или Майру зовет Эригона,
Чтобы вместе оплакать отца.
А на Пресне старик из Ростова

Бессловесное что-то поет.
Не поймешь в этой песне ни слова,
Лишь беззубо колышется рот.
И недаром обиженный дядя —
Честь завода, рабочая кость —
Вымещает на старом бродяге
Коренную, понятную злость.
И под небом отчаянно-синим
Он сощурился на старика,
Слово ищет, находит с усилием:
— Как тебя не убили пока?
Как тебя не убили, такого? —
А старик только под нос бурчит,
Не поймешь в этой песне ни слова,
Да и песня уже не звучит.
Тихо длятся февральские ночи.
Лишь гармоника стонет не в лад,
Да созвездий морозные очи
На блестящие крыши глядят.
Поножовщиной пахнет на свете
В час людских и кошачьих грехов.
Волопас, ты за это в ответе:
Для чего ты поил пастухов?

1975

* * *

Мы больше не будем на свете вдвоем
Свечами при ветре стоять.
Глаза твои больше не будут огнем
Недобрым и желтым сиять.
Любимая, давешняя, вспомнани
Свечи оплывающей чад.
В длину, в высоту погоревшие дни,
Как черные балки, торчат.
И пусть их болтают, что правда при них,
И сплетни городят горой.
Мы прожили юность не хуже других
И так, как не смог бы другой.
Я снова брожу в черепковском лесу,
Березовой памятью жив,
И роца свечная дрожит на весу,
Дыхание заворожив, —
Как будто мы снова на свете одни,

И, дятлом под ребра стуча,
Прекрасное лето в апрельские дни
Упало на нас сторяча.

1975

* * *

Заката рыжая полоска,
Как будто птица горихвостка
Взмахнула огненным пером
Над керосиновым ведром.
Ее усилием невесомым
Обочины озарены
Бесшумным заревом веселым
До появления луны.

Покуда нам нельзя на волю,
Пока в неволе мочи нет —
Остался свет на нашу долю,
Ночной предавгустовский свет.
Остался впредь до жути зимней
Под осязаемой луной
На нашу долю — короб синий,
Нагретый, звездный и земной.

Нам остается месяц лета —
И можно ждать, как всякий год,
Пока багровый круг рассвета
Над хрупким дымом не взойдет.
Мы в чистом воздухе окраин,
Как пробки, фортки отворяем —
И пьем рябиновый настой
С последней выжатой звездой.

В такие дни острее слышит
Намеки совести душа.
Над самым ухом осень дышит,
Листами твердыми шурша.
И надо, с зоркостью орлиной
На глаз отмерив крайний срок,
Надежду вылепить из глины
Размытых ливнями дорог.

1975

Жизнь обрела привычные черты,
Что было нужно — за день навестала.
Застольный шум, а посередине — ты:
Слегка царишь, но выглядишь устало.

Накрытый стол немало обещал,
Но разговор не ладился, как будто
Какой-то стговор вас отягощал,
Исподтишка встречава поминутно.

О господи, как фантастичен быт!
Искажены смеющиеся лица.
Кто с кем тут рядом — и зачем сидит,
На что озлоблен и чего боится?

Хозяюшка, отсюда не взлетишь.
Оскалит рот насмешливая вечность.
Погасишь свет — и ясно различишь
За окнами таящуюся нечисть.

И вправду мир покажется тюрьмой,
Дыханье — счастьем и прогулка — волей.
Что с нами происходит, Боже мой,
На этом самом жутком из застолий?

Март. Ночь. Москва. Гостеприимный дом.
Отменный спирт расходится по кругу.
Хозяйка, слушай, а за что мы пьем,
Зачем мы здесь — и кто мы все друг другу?

Пускай хоть выпьет каждый за свое
Под общий звон фужеров или рюмок.
Я — пью за волчье сладкое житье,
За свет звезды над участью угрюмой.

Хозяюшка! За звучным шагом — шаг,
Земля за нас, она спружинит мягко,
И каждый дом — по крайности, очаг,
И смертный мир не больше, чем временка.

1976

* * *

Нас в путь провожали столетние липы,
Да лампа над темным надежным столом,
Да каменных улиц гортанные всхлипы
С нежданно родившимся в камне теплом.

Мазутных пакгаузов лязг на рассвете,
Цветущие шпалы железных дорог,
Ровесников наших послушные дети
Да весен московских гнилой ветерок.

И редко кто был виноват перед нами.
Мы стол покидаем в положенный час.
Но будет о ком тосковать вечерами
Глазастым потомкам, не знающим нас.

Разрушатся времени ржавые звенья,
И, может быть, сделаются оттого
Нужней и бесхитростней наши прозренья,
Отрывки, ошибки, беда, торжество.

Тогда все сольется в прозрачную повесть
И выступит, будто роса на траве.
Нас в путь провожает непонятый посвист
Разбуженной птицы в дождливой листве.

1975

* * *

Ты помнишь: мост, поставленный над черной,
Неторопливо плещущей водой,
Колокола под шапкой золоченой
И стойкий контур башни угловой.
А там, вдали, где небо полосато,
В многоязыком сумрачном огне
Прошла душа над уровнем заката —
И не вернулась, прежняя, ко мне.

Когда же ночи темная громада
Всей синевой надавит на стекло,
Прихлынет космос веяньем распада —
И мокрый ветер дышит тяжело.
Но смерти нет. И от суда хранима,
Как будто куца в облачной дали —
В налетах дыма черная равнина,

И пятна крови в гаревой пыли.
Пора мне знать: окупится не скоро,
Сверяя счет по суткам и годам,
Полночный труд историка и вора,
Что я живым однажды передам.

Настанет день, и все преобразится,
Зайдется сердце ерзать невпопад,
И будет — март, и светлая водица
Размоет ребра зданий и оград...
И поплывет — путей не разобрать —
Огромный город — мерой не измерить.
Как это близко — умирать и верить.
Как это длится — жить и умирать.

1977

* * *

Ю. Кублановскому

Морозное солнце над серым вокзалом,
Дымы на слепящих верхах,
И зелень листвы по садам обветшалым —
Серебряный блеск на ветвях.

Откуда в столице такая погода
В октябрьский полуденный час?
С архивного полузабытого года
Такого не знают у нас!

Сырой листопад налетает со снегом
На семь москворецких вершин,
И смотрятся жадным монгольским набегом
Разезды служебных машин...

Об эту блаженную смутную пору
Нам чувствовалось заодно,
Что Богу живому иначе, как вору, —
Навстречу безвластию, голоду, мору —
Прокрасться сюда не дано.

На голос друзей, по звонкам телефонным
Еще я срываться могу...

Но страшно взглянуть: под раскидистым кленом —
Зеленые листья в снегу.

1976

* * *

Похолодание прощёт роскошный май
И зелень по чертам фасадов.
Душа прояснится. Как хочешь, понимай
Игру сердечных перепадов.

А время спряталось. Исчезло без следа,
Как мокрой осенью безлистой.
И сердце падает — как будто есть, куда,
Как бы в колодец чистый-чистый...

1977

30 АПРЕЛЯ

Притупилось чувство боли,
Улеглась жара к семи.
Нынче вечер тайной воли,
Власти тайной над людьми.

В эту пору в Третьем Риме
Все недвижимо на вид,
Только небо над кривыми
Переулками кружит.

Только дышится свободней,
И прозрачен черный сад.
В Нижнем Кисловском сегодня
Флаги красные висят.

Я и в юности нередко
В эту пору здесь бывал,
И, прыжком доставши древко,
Флаги красные срывал.

Тихо в мире, слишком поздно.
Только музыка в окне,

Но ее аккорды грозно
Обращаются ко мне.

Но светлеет небосвода
Накрененное крыло —
Где она, твоя свобода,
Сердца тайное тепло?..

Что ж, домой, под крышу, что ли:
Спать, и плакать, и опять —
Завтра день большой неволи —
Спать и плакать. Долго спать.

1979

* * *

Жан-Марку Бови

Когда снегопада светлейшая вязь
Займет над рекою простор,
Мы в черные стекла посмотрим, сядясь,
На белую вьюгу в упор.
Земля отклонится с орбиты во мглу,
Звезда оборвется над ней —
Но нервные пальцы, скользя по столу,
Не сыщут опоры прочней.
Как будто с планетой уже решено —
Лишь нас, зазевавшихся, ждут.
Тяжелых машин боевое звено
Выходит на горный маршрут.
Останется — нас за колючий забор
За то, что друг с другом на ты,
И танки — на голову нашу позор —
Замрут у последней черты.
Всего-то осталось — налить да сказать,
Поднять, опорожнить до дна
За землю, которую поздно спасать,
Раз участь ее решена.
Чтоб вовремя рухнуть успел серпантин
Под гусеничным полотном —
За нашу надежду. За все, что хотим.
За то, что твердим об одном.

10 декабря 1979

Отара в тумане скользит по холму.
Равнина незрима для глаза.
Доколе же брату прощать моему:
Скажи — до седьмого ли раза?

Стада исчезали — и скрылись совсем
За синий расщеп перевала,
Когда непреклонное: семижды семь, —
В ответ на века прозвучало.

Господь! наша память доселе строга,
Верни нас на тропы овечьи,
Где мы бы исправно простили врага —
И с братом зажгли семисвечье.

Но слышишь: над рощей с утра воронье.
Гордится земля пустырями.
Здесь дышит на ладан людское житье.
Не двое, не трое во имя Твое:
Приди и постой между нами.

...Морщинки от глаз исподлобных бегут,
И ежели деду поверить,
И ежели счет на морщины ведут,
Их семижды семь — не измерить.

Ты слышал ли песню разграбленных хат —
Отчизны колхозные были —
Про то, как он выехал на Салехард
И малого как хоронили?

Как мерзлая тундра сомкнулась над ним,
Костры на поминках горели —
И стлался над тундрой отчества дым
По всей ледяной параллели...

Дорожка ты, тропка! На праздник, как в ад —
На труд, как на смерть, и обратно.
Все утро вдоль пункта приема звенят
Бутылки светло и опрятно.

Смеркается медленно. Пьяный орет,
Поводит больными плечами,

Про то, как е... его дни напролет
И как его сушит ночами...

По этой земле не ступал Моисей.
Законы — вне нашей заботы.
И где те блаженные — семижды семь,
Когда бы мы сели за счеты!

Господь, отведи от греха благодать
Под сень виноградного сада.
Сподобь ненавидеть, вели не прощать,
Наставь нас ответить, как надо.

Черно небо гор. Поднимается дым —
Молочная просека к звездам.
Когда мы вернемся — мы сразу простим,
К Тебе возвращаться не поздно.

1980

* * *

На Крещение выдан нам был февраль
Баснословный: ветренный, ледяной —
И мело с утра, затмевая даль
Непроглядной сумеречной пеленой.

А встряхнуться вдруг — да накрыть на стол!
А не сыщешь повода — что за труд?
Нынче дворник Виктор так чисто мел,
Как уже не часто у нас метут.

Так давай не будем судить о том,
Чего сами толком не разберем,
А нальем и выпьем за этот дом
Оттого, что нам неприятно в нем.

Киркегор не прав, у него поэт
Гонит бесов силою бесовской,
И других забот у поэта нет,
Как послушно следовать за судьбой.

Да хотя расклад такой и знаком,
Но поэту стоит раскрыть окно —

И стакана звон, и судьбы закон,
И метели мгла для него одно.

И когда, обиженный, как Иов,
Он заводит шарманку своих речей —
Это горше меди колоколов,
Обвинительных актов погорячей.

И в метели зримо: сколь век ни лих,
Как ни тщится бесов поднять на щит —
Вот, Господь рассеет советы их,
По земле без счета их расточит.

А кому — ни зги в ледяной пыли,
Кому речи горькие — чересчур...
Так давайте выпьем за соль земли,
За высоколобый ее прищур.

И стоит в ушах бесприютный шум —
Даже в ласковом, так сказать, плену...
Я прибавлю: выпьем за женский ум,
За его открытость и глубину.

И, дневных забот обрывая нить,
Пошатнешься, двинешься, поплывешь...
А за круг друзей мы не станем пить,
Потому что круг наш и так хорош.

В сновиденье лапы раскинет ель,
Воцарится месяц над головой —
И со скрипом — по снегу — сквозь метель —
Понесутся сани на волчий вой.

1981

* * *

Как воздух игрою полон обманчивых отражений!
Гуляет над лугом ветер — и ты, вдалеке близка,
Стоишь березовой рощей на грани солнца и тени,
И над тобой проплывают летние облака.

И шаг отдает в колено, и жметесь земля к подошвам.
И в торге с судьбой разлука — всегда ходовой товар.
И месяц идет на убыль, и все это станет прошлым,
И голубовато-серым подернется листьев жар.

И все не наговориться, и все-то не наглядеться:
Там сойка взлетела — помнишь? Там зяблик запел и смолк
И древнее любопытство, мальчишество, лицедейство,
Когда головокруженье легко, как прощенный долг.

О чем ты сейчас спросила? И что я тебе ответил?
Нам лишь секундная стрелка в такие часы слышна,
Когда полынью потери предутренний дышит ветер,
И серый металл рассвета — возмездием из окна.

Становишься злее, цепче, оглядчивее с годами.
С годами, — сказав такое, сощуришься да вздохнуть.
И жметя земля к подошвам пружинисто под ногами,
И ветер лугов ложится прозрачной волной на грудь.

1987

* * *

Юность самолюбива.
Молодость вольнолюбива.
Зрелость жизнелюбива.
Что еще впереди?
Только любви по горло.
Вот оно как подперло.
Сердце стучит упорно
Птицею взаперти.

Мне говорят: голод,
Холод и Божий молот.
Мир, говорят, расколот,
И на брата — брат.
Все это мне знакомо.
Я не боюсь погрома.
Я у себя дома.
Пусть говорят.

Снова с утра лило здесь.
Дом посреди болотец.
Рядом журавль-колодец
Поднял подобья рук.
Мне — мои годовщины.
Дочке — лепить из глины.
Ветру — простор равнины.
Птицам — лететь на юг.

1989

Ноябрьский ветер запахом сосны
Перепополняет пасмурные дали.
Что значил этот сон? Бывают сны
Как бы предвестьем ветра и печали.
Проснешься и начнешь припоминать
События: ты где-то был, — но где же?
На миг туда вернешься — и опять
Ты здесь... и возвращаешься все реже.
Так в этот раз или в какой другой
(Уже не вспомнишь и не в этом дело),
Но там был лес, поселок над рекой,
И синева беззвездная густела.
Там загоралось первое окно,
Шептались бабки на скамье у дома,
Там шел мужик и в сумке нес вино —
Там было все непрошено знакомо.
Там жили, значит, люди. Я бы мог
(Но веришь, лучше все-таки не надо)
Приноровить и опыт мой, и слог
К изображенью этого уклада.
Когда б я был тем зудом обуян,
Когда б во мне бесилась кровь дурная,
Я принялся бы сочинять роман,
По мелочам судьбу воссоздавая,
Тогда бы я и жил не наугад,
Расчислив точно города и годы,
И был бы тайным знанием богат,
Как будто шулер — знанием колоды.
Я знал бы меру поступи времен,
Любви, и смерти, и дурному глазу.
Я рассказал бы все. Но это сон,
А сон не поддается пересказу.
А сон лишь образ, и значение сна —
Всего только прикосновенье к тайне,
Чтоб жизнь осталась незамутнена,
Как с осенью последнее свиданье.

СОДЕРЖАНИЕ

«В Европе дождливо (смотрите футбольный обзор)»	3
Признание в любви, или Начало прощания	4
Бернгардтовка	6
«Как хочется приморской тишины...»	7
«Записки из мертвого дома...»	8
«Я из земли, где все иначе...»	9
«На краю лефортовского провала...»	10
Ноябрь 83-го	10
Ода на взятие Сент-Джорджеса 25 октября 1983 года	12
«Небо, накренившееся мглисто...»	14
«Что есть душа? Не спрашивай. Пойдем...»	14
«Опять на пробу воздух горек...»	15
«Я знал назубок мое время...»	16
Первое Пуническое послание	17
«Все те, кто ушел за простор...»	18
«Кто на пресненских? Тихо в природе...»	18
«Мы больше не будем на свете вдвоем...»	19
«Заката рыжая полоска...»	20
«Жизнь обрела привычные черты...»	21
«Нас в путь провожали столетние липы...»	22
«Ты помнишь: мост, поставленный над черной...»	22
«Морозное солнце над серым вокзалом...»	23
«Похолодание прощует роскошный май...»	24
30 апреля	24
«Когда снегопада светлейшая вязь...»	25
«Отара в тумане скользит по холму...»	26
«На Крещение выдан нам был февраль...»	27
«Как воздух игрою полон обманчивых отражений!...»	28
«Юность самолюбива...»	29
«Ноябрьский ветер запахом сосны...»	30

СОПРОВСКИЙ Александр Александрович

НАЧАЛО ПРОЩАНИЯ

Стихи

Составитель Т. Н. Полетаева

Редактор И. И. Мильштейн

Технический редактор Т. Я. Ковынченкова

Сдано в набор 27.09.91. Подписано к печати 31.10.91.
Формат 70 × 108^{1/32}. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40. Усл. кр.-отт. 1,58.
Уч.-изд. л. 1,57. Тираж 80000 экз. Зак. № 939. Цена 15 коп.

Типография издательства «Правда».
125865 ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

**В СЕРИИ «БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
ВО ВТОРОМ ПОЛУГОДИИ 1991 ГОДА
ВЫШЛИ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:**

- И. КОНСТАНТИНОВСКИЙ «Тайна земли обетованной»;
А. ПЛАТОНОВ «Технический роман»;
В. КАРДИН «К вопросу о белых перчатках»;
А. ВОЗНЕСЕНСКИЙ «РОССИЯ—POESIA»;
В. ТОКАРЕВА «Старая собака»;
З. ГИППИУС «Последние стихи»;
В. ЕРОФЕЕВ «Попугайчик»;
Ф. ИСКАНДЕР «Поэты и цари»;
А. ХУРГИН «Лишняя десятка»;
Н. ИЛЬИНА «Власть тьмы»;
Н. КОРЖАВИН «Письмо в Москву»;
П. СТРУВЕ «Скорее за дело!»
Л. РАЗГОН «Перед раскрытыми делами»;
Б. СЛУЦКИЙ «О других и о себе»;
Б. АХМАДУЛИНА «Побережье»;
Д. БАКИН «Цепь»;
В. СОЛОУХИН «Наваждение»;
Л. ПЛЕШАКОВ «Как трудно стать самим собой»;
Н. КЛЮЕВ «Песнь о Великой Матери»;
Б. ЧЕРНЫХ «Маленький портной»;
И. ИРТЕНЬЕВ «Елка в Кремле»;
Н. ИВАНОВА «Гибель богов»;
М. ЗАРАЕВ «Провинция».